

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 89–96. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 89–96. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09”19”

EDN ММІККК

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-89-96>

КОМИЧЕСКИЕ СРАВНЕНИЯ В ЭПИЧЕСКОМ РОМАНЕ («ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ» И.А. ГОНЧАРОВА)

Ермолаева Нина Леонидовна, доктор филологических наук, независимый исследователь, Иваново, Россия, ninaermolaeva1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6759-3590>

Аннотация. В статье раскрывается понимание И.А. Гончаровым юмора как одной из главных слагаемых художественности литературного произведения. Автор работы акцентирует внимание на заявленном самим писателем интеллектуальном характере его юмора, на юморе как качестве его эпического дарования. Анализируя первый роман из эпической трилогии писателя «Обыкновенную историю», автор утверждает, что эпический потенциал юмора в нем реализуется в таких характерных для гончаровского стиля поэтических приемах, как сравнение и противопоставление. В юморе выразилась способность автора дистанцироваться в отношении к предмету изображения, открытость миру, свобода в обращении со временем и пространством, умение охватить взглядом разные пласты мировой культуры. В статье показано, как комические сравнения и противопоставления помогают Гончарову выразить свое понимание движения исторического времени от «сна» к «пробуждению», культурологические, нравственные, философские убеждения. Особое внимание в статье уделяется широте и глубине характеристики с помощью комических приёмов изображения личностной культуры представителей европейски образованного и непросвещенного дворянства, культуры народной. Эти наблюдения позволяют сделать выводы о социологических воззрениях писателя, о характерном для Гончарова способе сближения дворянства и народа, основанном на убеждении, что необразованное, провинциальное дворянство и народ объединяет приобщенность к одной народной культуре.

Ключевые слова: юмор, эпическое мышление, сравнение, противопоставление, движение времени, европейская культура, народная культура.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102

Для цитирования: Ермолаева Н.Л. Комические сравнения в эпическом романе // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 89–96. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-89-96>

Research Article

COMIC COMPARISONS IN THE EPIC NOVEL (“A COMMON STORY” BY IVAN GONCHAROV)

Nina L. Ermolaeva, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, independent researcher, Ivanovo, Russia, ninaermolaeva1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6759-3590>

Abstract. The article deals with Ivan Goncharov’s understanding of humour as a constituent part of an artistic work. The author of the article focuses on the intellectual nature of humour as stated by the writer himself as well as on the humour as a part of his epic gift. Analysing “A Common Story”, the first novel from the writer’s epic trilogy, the author of the article claims that its epic potential is expressed in such stylistic devices as comparison and contrast, typical to Ivan Goncharov’s style. The writer’s humour shows his ability to stay distant from the object of depiction, openness to the world, freedom in dealing with time and space, skill in regarding different layers of the world culture. The article reveals the way the comic comparisons and contrasts help Ivan Goncharov to express his understanding of the pace of historical time from ‘dream’ to ‘awakening’, cultural, moral and philosophic beliefs. The article pinpoints the wideness and depth of characteristics using comic devices for portraying the personal culture of the nobility of European-educated and uneducated layer, folkish culture. These remarks allow to make conclusions about sociological views of the author and the manner of approximation of nobility and folk typical to Ivan Goncharov and based on his assumption that uneducated, provincial nobility and the folk are close due to the involvement into the same national culture.

Keywords: humour, epic thinking, comparison, contrast, pace of time, European culture, Russian culture

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Fund for Basic Research, project number 20-012-00102

For citation: Ermolaeva N.L. Comic comparisons in the epic novel (“A Common Story” by Ivan Goncharov). Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 89–96 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-89-96>

Одна из наиболее ценимых И.А. Гончаровым особенностей собственного дарования – юмор. Писатель признавался, что любит только «рисовать и шутить» [Гончаров 1952: 282]: «...У меня врывается шутка везде: и это живет в моей натуре. Юмор иногда сопутствует мне в такие минуты, где другие очень серьезны. Часто я, по юмору, по духу противоположности, беру на себя, чего нет...» [Гончаров 1953: 161]. Гончаров понимал, что юмор – это особая форма комического, дающаяся очень немногим писателям. Он высоко ценил юмор в даровании своих современников, считая его принадлежностью художественности произведения. В письме К.С. Веселовскому от 18 апреля 1862 г. по поводу комедии М.М. Маркова «Племянник и дядя» Гончаров писал: «Довольно живо начерченная сцена... местами очень хорошие стихи далеко не выкупают бледность и вялость действия, грубую отделку лиц, недостаток тонкой наблюдательности, комизма – всего того, что составляет необходимые условия художественности произведения» [И.А. Гончаров: 538–539]. Юмор как свойство высокохудожественного произведения Гончаров имеет в виду и когда пишет И.И. Лъховскому по поводу его путевых заметок: «...Настоящий взгляд, приправленный юмором, умным и умеренным поклонением красоте и тонкая и оригинальная наблюдательность дадут новый колорит Вашим запискам. Но давайте полную свободу шутке, простор болтовне даже в серьезных предметах и ради Бога избегайте определений и важничанья» [Гончаров 1952: 315]. Говоря об А.Н. Островском, Гончаров прямо связывает немаловажные и для собственного эпоса юмор и объективность: «Только юмор и объективность Островского, приближавшие его к Гоголю, удовлетворяли меня до значительной степени» [И.А. Гончаров: 217]. Как для Островского и Гоголя, для Гончарова важны идеалы не только эстетические: он смеется над тем, что смешно, соизмеря любую жизненную ситуацию, мысли и поступки героя с понятиями нравственными и здравым смыслом.

В исследованиях о Гончарове характеризуются разные стороны его юмора. В.П. Сомов, например, дает обзор оценок гончаровского юмора в критической литературе XIX в. и соглашается с критиками революционерами-демократами, которые видят социальную направленность юмора писателя [Сомов: 159]. Исследователи более позднего времени не склонны акцентировать внимание на социальной значимости юмора Гончарова, но стремятся определить его характер и место в творчестве писателя. Е.А. Краснощёкова называет юмор Гончарова «груст-

но-снихождительным» [Краснощёкова: 341], М.В. Отрадин определяет юмор как «внутреннее свойство художественной системы» Гончарова, способ утверждения объективности: «В юморе обнаруживается своеобразное диалектическое единство утверждения и отрицания. <...> У Гончарова комическое перекрывает всё – скажем, трогательное или элегическое возникает в “Обломове” не помимо юмора, а благодаря ему» [Отрадин: 135–137]. Авторы других работ выявляют особенности юмора писателя на материале конкретных произведений [Балакшина, Багаутдинова].

Размышляя о природе юмора, Гончаров прямо указывал на его интеллектуальное происхождение. Он определял шутку как «противоречие разума, и смех рождается и истекает из этого противоречия, оттого, когда что-нибудь расходится с правдой, следовательно, с разумом» [Гончаров 1953: 128]. О том же качестве его юмора говорят и исследователи: Сомов убежден, что «юмор Гончарова насквозь интеллектуален, все теории бессознательности творчества, имевшие место в отношении Гончарова, опровергаются существованием юмора» [Сомов: 164].

Интеллектуальная природа юмора находит в творчестве Гончарова разные формы выражения, он невозможен без «сопоставления», этой универсальной мыслительной операции, которая позволяет сблизить предметы друг с другом, установить их «неочевидные связи, скрытые соотношения, нарушить схемы и стереотипы мышления» [Любимова: 23]. Среди «сопоставительных» операций первенство принадлежит сравнению и противопоставлению.

Юмор, выраженный в подобного рода приемах, – очевидное следствие эпического дарования Гончарова: способности его поэтического мышления дистанцироваться в отношении к предмету изображения, его тонкой наблюдательности, открытости миру, свободы в обращении со временем и пространством, умения сблизить исторические эпохи и отразить уклад жизни народов, охватить взглядом разные пласты мировой культуры и осветить общечеловеческие проблемы. М.Б. Лоскутникова показала, что в произведениях Гончарова «сравнение как прием художественной речи выходит на первый план среди всех других способов стилистического достижения цели» [Лоскутникова: 46].

В комических сравнениях романа «Обыкновенная история» действительно возникает целостный образ мира, отражается представление автора о движении исторического времени. Главный герой романа Александр Адуев убежден, что «он едва заметное кольцо в бесконечной цепи человечества» [Гончаров 1997: 443]. Образы дяди и племянника в романе,

по мысли автора, призваны отразить целые исторические эпохи: «сон» – Александр и «пробуждение» – Пётр. Они противопоставлены как идейные противники, отстаивающие романтический, «идеальный» взгляд на мир и взгляд прагматический. Их идейные споры в романе неизменно приобретают юмористический оттенок благодаря сопоставлению пылкого, далекого от реальности племянника и трезвого, разумного, многоопытного дяди. В большинстве таких сцен комически освещен образ племянника, подетски наивного, незащитного, живущего идеальными представлениями о дружбе, любви, родственных отношениях. И дядя, и автор смеются над позаимствованными у профессора эстетики словами Александра о том, что его «влекло» в столицу «какое-то неодолимое стремление, жажда благородной деятельности», в которой «кипело желание уяснить и осуществить...», «осуществить те надежды, которые толпились...» над его мечтами, «пользоваться жизнью» в столице, имея одну тысячу рублей в кармане [Гончаров 1997: 207]. Смешны и его слова о священных залогах любви, каковыми являются «вещественные знаки... невещественных отношений...» – волосы и колечко возлюбленной Софьи [Гончаров 1997: 213].

Как способ создания динамичной картины мира, показа движения от «сна» к «пробуждению» Гончаров использует пародийное начало. «Пародийные фрагменты» в романе относятся, прежде всего, к племяннику, в его речи намеренно выделены автором те слова и выражения, которые стали своеобразными «сигналами» уже скомпрометировавшего себя ко времени Гончарова возвышенного поэтического стиля романтической эпохи: «На губах блуждает улыбка; видно, что он только лишь отвел их от полной *чаши* счастья. Глаза у него закроются томно, как у дремлющего кота, или вдруг сверкнут огнем внутреннего волнения» [Гончаров 1997: 266]. Комическое сравнение с дремлющим котом в этой сцене подчеркивает ироничное отношение автора к образу мысли и манере высказывания романтика. В другом эпизоде той же цели служит контрастное противопоставление страдальца и коварного развратника, под которым Александр понимает графа Новинского: «Ему как-то нравилось играть роль страдальца. Он был тих, важен, туманен, как человек, выдержавший, по его словам, *удар судьбы*, – говорил о высоких страданиях, о святых, возвышенных чувствах, смятых и втоптаных в грязь – “и кем? – прибавлял он, – девчонкой, кокеткой и презренным развратником, мишурным львом. Неужели судьба послала меня в мир для того, чтоб всё, что было во мне высокого, принести в жертву ничтожеству?”» [Гончаров 1997: 311].

С понятием «судьба», которое было осмыслено романтиками как высокое, равное понятию «неумолимый рок», уже в ранних повестях Гончаров обращался

«запросто», как делали это до него в драматургии В. Шекспир [Полторацкий: 260–267], в прозе – Г. Филдинг. В романе «Обыкновенная история» эта мифологема приобретает комическую окраску, чему способствует ее употребление с постоянной «оглядкой», противопоставлением «почитанию» в культуре романтической эпохи. Александр как синонимы слова «судьба» употребляет слова и выражения «жребий» [Гончаров 1997: 235], «удел» [Гончаров 1997: 449], «*чаша* счастья» [Гончаров 1997: 266]. Насмехаясь над героем, автор ставит его в один ряд с его романтически настроенными возлюбленными, вкладывая и в их уста ставшие поэтическими штампами фразеологизмы со словом «судьба»: «Слышите! – сказала Надинька пророческим тоном, – вот намек судьбы: эта минута не повторится больше – я чувствую...» [Гончаров 1997: 263]; Юлия Тафаева: «Я отпущу вам, – говорила она, – вы думаете, что так легко можно шутить судьбой женщины?» [Гончаров 1997: 378]. Подсмеиваясь над своими героинями, автор вновь прибегает к противопоставлению: «А послушать этих дам, так чего они не скажут! слова: *судьба, симпатия, безотчётное влечение, неведомая грусть, смутные желания* – так и толкают одно другое, а кончится все-таки вздохом, словом “*нервы*” и флакончиком со спиртом» [Гончаров 1997: 354].

Нельзя не заметить, что по ходу развития романного повествования столкнувшийся с реальностью, разочарованный, страдающий Александр все больше вызывает сочувствие автора, а, казалось бы, во всем преуспевающий дядя всё чаще выглядит комически, поскольку очевиднее становится его беспомощность перед «правдой» племянника, не опровергнутой самим течением жизни. Едва ли не впервые Пётр комически охарактеризован в шестой главе первой части, когда его глубокомысленные рассуждения о «методе», по которой необходимо выстраивать отношения с женщинами, подслушаны Лизаветой Александровной. Оказывается, она только не подает «вида, что понимает великую школу мужа», но обещает ему «завести маленькую свою» [Гончаров 1997: 304].

Откровенно комические сцены, связанные с образом Александра, появляются на всем протяжении романа, насмешка же над Петром всегда сдержанна, по мере развития действия в ней возрастает доля драматизма, скрывающего авторское опасение за судьбу излишне самоуверенного героя. Комически снижающие образ постоянные жалобы Петра на боль в спине от долгого сидения на службе напоминают читателю о его негармонично проживаемой жизни, о бездетном и безлюбовном браке. Примером тонкого, сдержанного комизма в отношении к герою может служить сцена в гл. 4 второй части романа. Пётр, обеспокоенный поведением Александра, по прось-

бе жены посещает его и убеждается в том, что племянник находится в состоянии совершенной апатии. Пётр понимает, что в разочарование Александра и он внёс свою лепту и, стремясь исправить положение, меняет прежнюю прагматичную риторику, пытается убедить племянника, что лишь «шутя» опровергал его представления о любви и дружбе, что сам он не бесчувственный человек. В ответ на слова Петра «Александр засмеялся», давая понять, что разуверился в дяде как всезнающем и всегда правом наставнике. Соображение Петра: «Не за своё дело взялся... К жене послать» [Гончаров 1997: 388], – привносит в сцену элемент комизма. Почти скрыто, слегка насмехаясь над самоуверенным и всегда во всем считающим себя правым Петром, автор в этой сцене впервые сталкивает его с загадкой человеческой души, с тайной самой жизни, перед которой ему в финале романа предстоит признать свое абсолютное бессилие в словах: «судьба не велит идти дальше...» [Гончаров 1997: 468]. Присутствие комического элемента в изображении дяди и племянника смягчает драматизм их противопоставления как представителей двух эпох, по неумолимому жизненному закону сменяющих и отменяющих друг друга, и помогает Гончарову выразить свою позицию психолога и философа, стремившегося указать читателю «норму жизни».

Использование юмора в эпическом романе помогает Гончарову высказать социологические и культурологические воззрения. Писателя не интересовали отношения между крепостными и их хозяевами, о чем он писал Л.Н. Толстому в письме от 2(14) августа 1887 г. и в предисловии к циклу «Слуги старого века»: он никогда не испытывал особых симпатий к народу и не писал о нем, потому что не знал народ, не жил в усадьбе, не имел крепостных и не занимался сельскохозяйственными работами. В отличие от большинства писателей 1860-х гг., Гончаров не считал возможным и не показывал сближение героя-дворянина с народом. Предметом интереса писателя были, прежде всего, различия в духовной культуре двух сословий – универсальное основание для противопоставления носителей европейской, письменной, «высокой» культуры и представителей культуры «низкой», народной.

Комическое противопоставление героев, живущих в сфере дворянской и народной культуры, – излюбленный прием в эпосе Гончарова. Приведем показательный пример. После разрыва отношений с Наденькой Александр «только что спустился с лестницы, как силы изменили ему, он сел на последней ступени, закрыл глаза платком и вдруг начал рыдать громко, но без слез. В это время мимо сеней проходил дворник. Он остановился и послушал. “Марфа, а Марфа! – закричал он, подошедши к своей засаленной двери, – подь-ка сюда, послушай, как тут кто-то ревет,

словно зверь. Я думал, не Арапка ли наша сорвалась с цепи, да нет, это не Арапка”. – “Нет, это не Арапка!” – повторила, вслушиваясь, Марфа. – “Что за диковина?”» [Гончаров 1997: 291]. И дворник, и Марфа с полным основанием заподозрили героя в потере денег. К подобным неожиданным комическим сближениям и противопоставлениям героев с разным уровнем культуры Гончаров прибегает в этом романе и двух последующих постоянно (Обломов и Захар в «Обломове», Райский и Егорка в «Обрыве»).

Однако в сфере культуры дворянство и народ у Гончарова не только комически противопоставлены, но и сближены. В отличие от Толстого и других современников, в творчестве которых герой приходит к народу и его культуре путем трудных духовных исканий, в «Обыкновенной истории» малообразованное провинциальное дворянство, которому свойственно додуховное, дорефлекторное существование, как и крепостной люд, мещанство, живет в сфере народной культуры. И это обстоятельство служит постоянным источником компрометации героев: Антон Иваныч, Заезжалов, тетка Александра, его возлюбленная Сонечка, мать Наденьки, да во многом и не обойденная авторским состраданием мать Александра Гончаровым изображены почти исключительно в комическом свете. Прибегая к комическим преувеличениям и преуменьшениям, сравнениям и противопоставлениям, автор показывает в них ограниченность познаний о мире, практицизм и приземленность понятий. Матери Наденьки, как и Анне Павловне, недоступна духовная сфера жизни собственных детей. В начале романа читателю может показаться, что мать Александра так же романтически настроена, как и ее сын: пытаясь удержать его дома, она говорит о «великолепии» родной природы, разлитой в ней «премудрости Божией». Однако красота поместья для Анны Павловны имеет конкретные, материальные измерения: «Погляди-ка, – говорила она, – какой красотой Бог одел поля наши! Вон с тех полей одной ржи до пятисот четвертей сберем; а вон и пшеничка есть, и гречиха; только гречиха нынче не то, что прошлый год: кажется, плоха будет. А лес-то, лес-то как разросся! Подумаешь, как велика премудрость Божия! Дровец с своего участка мало-мало на тысячу продадим. А дичи, дичи что! и ведь всё это твое, милый сынок: я только твоя приказчица. Погляди-ка, озеро: что за великолепие! истинно небесное! рыба так и ходит; одну осетрину покупаем, а то ерши, окуни, караси кишмя кишат: и на себя и на людей идет. Вон твои коровки и лошадки пасутся» [Гончаров 1997: 178]. Монолог этот, благодаря содержащимся в нем противопоставлениям «романтического» и «практического», приобретает комический смысл, показывает, что мать мыслит не как современно образованная дворянка, но как «приказчица».

Петербург, вознесенный в мечтах европейски образованного Александра до библейского образа «земли обетованной» [Гончаров 1997: 178], а «разочарованным» героем опоэтизированный как «великолепная гробница глубоких, сильных, нежных и теплых движений души» [Гончаров 1997: 425], оказывается комически скомпрометирован в словах носителей народной культуры: Евсея – «просто каторжное житьё!» [Гончаров 1997: 433] – и Анны Павловны – «чужая сторона» [Гончаров 1997: 182]. Автор вкладывает в ее уста комическое сравнение Петербурга с «омутом»: перед возвращением Александра из столицы в «тонком» сне ей видится Сашенька, вернувшийся домой «из омота... от водяных» [Гончаров 1997: 435]. В народном понимании омут – это нечистое место, в котором водятся черти и сидит водяной [Даль 2: 673]. Как ключница Аграфена беспокоится за нравственность Евсея перед его отъездом в Петербург, так и Анна Павловна считает Петербург местом обитания безнравственных, далеких от веры людей: «Прости Господи: любят до свадьбы, без обряда церковного; изменяют... Что это делается на белом свете, как поглядишь! Знать, скоро света преставление!..» [Гончаров 1997: 443]. Очевидно, что уровень культуры крепостных Евсея, Аграфены и дворянки, хозяйки усадьбы Анны Павловны близки.

После возвращения сына из Петербурга мать, руководствуясь простонародными представлениями о путях излечения душевных недугов, по совету Антона Ивановича призывает «пошептать» над Сашенькой старуху Никитишну, а после ее осмеяния сыном прибегнет к более надежному «простонародному» средству: берет «во двор ходить за барином» [Гончаров 1997: 447] приглянувшуюся Александру крестьянскую девушку Машу.

Для наглядного доказательства различия в миропонимании матери и сына Гончаров прибегает к комическому противопоставлению: когда сын, опустившись до уровня понимания матери, называет Антона Ивановича «дураком», Анна Павловна возражает ему: «Дурака! Ах, Сашенька, что ты это? не грех ли? Антон Иваныч дурак! Как это у тебя язык-то поворотился? Антон Иваныч – благодетель, друг наш!» [Гончаров 1997: 445].

Если материнскому сердцу доступно смутное ощущение душевных недугов сына, то верному слуге Евсею не понять терзаний Александра от разочарования в самом себе после разрыва с Юлией Тафаевой (3-я глава 2-й части). «Как я мелок, ничтожен! – говорил в раздумье Александр, – нет у меня сердца! я жалок, нищ духом!» Используя прием комического противопоставления, автор смеется над «терзаниями» героя. В этот момент к смущенному и угрюмому Александру «подкрался Евсей с сапогом, в который опустил руку: “Извольте-ка посмотреть,

сударь, – сказал он умильно, – какая вакса-то: вычистишь, словно зеркало, а всего четвертак стоит”. Реакция Александра закономерна: “Пошел вон! – сказал он, – ты дурак! <...> Пошел, говорю тебе, пошел! – закричал Александр, почти плача, – ты измучил меня, ты своими сапогами сведешь меня в могилу... ты... варвар!” Евсей проворно убрался в переднюю» [Гончаров 1997: 382–383]. Очевидно, что в этой ситуации образованный дворянин Александр прибегает к средству из простонародного обихода, тем самым комически компрометируя себя в глазах читателя.

Интересно, что использование знающим «наизусть не одного Пушкина» [Гончаров 1997: 218] Петром Ивановичем подобного рода компрометирующих третье лицо оценочных определений: тетушка Александра, его возлюбленная Сонечка – «дуры» [Гончаров 1997: 220], возможный свидетель на дуэли Александра и графа – «дурак» [Гончаров 1997: 298], Сурков – «дуралей» [Гончаров 1997: 356] и др. не служит «снижению образа». В сознании Петра органично уживаются высокая культура и народная мудрость. Читателю трудно не согласиться с ним в убеждении: «...Кто не рассчитывает, того называют по-русски безрасчетным дураком» [Гончаров 1997: 233].

Широту и свободу эпического мышления Гончарова доказывает обращение в романе к мировой культуре, которая нередко используется в комических сравнениях. Ряд из них относится к религиозной истории и имеет неявный, скрытый характер. «Ах! если б можно было ходить пешком по воде!» [Гончаров 1997: 252], – нетерпеливо восклицает Александр, переправляющийся на лодке через Неву для встречи с Наденькой. Эта фраза героя содержит насмешку автора, выразившуюся через аллюзию: Александр, может быть сам того не замечая, мысленно сравнивает себя с Христом или апостолом Петром, ходившими по воде.

Евангельская аллюзия с комическим эффектом присутствует и в описании первой встречи Александра с девушкой Лизой. Подобно апостолам Андрею и Петру, занимавшимся рыбной ловлей и призванными Христом стать «ловцами человеческих душ», герой становится рыболовом. При этом занятии он умело и последовательно завлекает девушку, «залавливая» ее чистую душу в любовные сети. Однако соблазнить ее Александру не удастся: его хитрость разгадывает проницательный, осторожный и заботливый отец героини. Интрижка не состоялась, как ловец человеческих душ герой безжалостно высмеян автором в символической для всего эпизода сцене, когда рыболов Александр упустил свою щуку. Авторская насмешка поддержана с комической целью привлекаемым порицанием-сравнением рассерженного Костякова: «...Вон у меня на шести удочках хоть бы поганый ершишка на смех клонул; а там... щука

фунтов в десять, да и тут прозевали. <...> ... Сорвись-ка у меня, так я бы ее в воде достал; а тут щука сама в зубы лезет, а мы спим... а еще рыболовы называются!» [Гончаров 1997: 395].

Явные и неявные сравнения и уподобления, параллели в романе свидетельствуют о погруженности автора в богатейший контекст мифологии и письменной культуры разных стран и народов. Антон Иванович, например, комически уподоблен автором «Вечному жидам», легендарному персонажу, обреченному за свой грех скитаться по земле до второго пришествия Христа: «Он существовал всегда и всюду, с самых древнейших времен, и не переводился никогда» [Гончаров 1997: 185]. Видимо, Гончарову близко толкование этого образа не только в средневековой легенде, изображающей героя страдающим грешником, отказавшим в помощи Христу, но и в итальянском фольклоре, представляющем его волшебником, дающим добрые советы и выручающим из беды. Насмешливая характеристика героя развернута и подтверждена в финале романа – он присутствует в доме Анны Павловны не только при проводах, но и «по случаю возвращения блудного сына» [Гончаров 1997: 185] к счастливой матери. Это «Вечный жид» в русском его варианте, поскольку не гнушается и запрещенной для правоверного еврея пищей: «Поросят, цыплят и индеек пошло на Антона Иваныча множество» [Гончаров 1997: 441], – смеется Гончаров.

Мифологические и литературные комические ассоциации нередко возникают и в размышлениях Александра. Девушка Лиза и ее отец устаиваются им сравнения с Эдипом и Антигоной – персонажами древнегреческой мифологии. По легенде, Антигона по своей воле последовала за ослепившим себя старым отцом в его добровольном изгнании. К такому сравнению Александр прибегает со снисходительной усмешкой, не подозревая, какая насмешка над ним самим готовится умным Эдипом, сумевшим спасти свою дочь от коварных замыслов героя.

Начальника отделения в палате Александр сравнивает с Юпитером: «Поглядел Адуев пристально на начальника отделения: точно Юпитер-громовержец; откроет рот – и бежит Меркурий с медной бляхой на груди; протянет руку с бумагой – и десять рук тянутся принять ее» [Гончаров 1997: 227]. В недолгом времени и самому Александру предстоит выступить в роли Меркурия рядом с этим Юпитером.

Дядю своего Александр подозревает в демонизме: «Жизнь, жизнь, как ты прекрасна! – восклицал он. – А дядя? Зачем смущает он мир души моей? Не демон ли это, посланный мне судьбою? <...> Он убьет, заразит своею ненавистью мою любящую душу, развратит ее...» [Гончаров 1997: 267]. Комический смысл подобное сравнение приобретает благодаря аллюзии на романтическую культуру. В этом случае Гончаров

опирается и на опыт Пушкина, прямым подтверждением чему служит еще одно сравнение в устах Александра: называя графа Новинского «развратителем», он прибегает к цитате из «Евгения Онегина»:

«Не попушу, чтоб развратитель

Огнем и вздохов и похвал

Младое сердце искушал...» [Гончаров 1997: 280].

Особое место в романе занимают комические анималистические сравнения. Ряд из них также представляет собой аллюзии на литературные произведения. У читателя невольно возникает ассоциация с внезапно потерявшим возлюбленную пушкинским Русланом, когда автор говорит, что оробевший перед преуспевшим противником, графом Новинским, Александр «походил на петуха с мокрым хвостом, прячущегося от непогоды под навес» [Гончаров 1997: 273]. Воспоминание о пушкинских строках:

С порога хижины моей

Так видел я, средь летних дней,

Когда за курицей трусливой

Султан курятника спесивый,

Петух мой по двору бежал

И сладострастными крылами

Уже подругу обнимал;

Над ними хитрыми кругами

Цыплят селенья старый вор,

Прияв губительные меры,

Носился, плавал коршун серый

И пал как молния на двор.

Взвился, летит. В когтях ужасных

Во тьму расселин безопасных

Уносит бедную злодей.

Напрасно, горестью своей

И хладным страхом пораженный,

Зовет любовницу петух.

Он видит лишь летучий пух,

Летучим ветром занесенный [Пушкин: 26–27]

проливает комический свет и на образ графа Новинского, который контекстуально уподобляется коварному Черномору. Насмехаясь над племянником, дядя подхватывает его анималистические сравнения. О графе Новинском Александр говорит: «“Он, как дикий зверь, ворвался...” – “В овчарню!” – перебил дядя» [Гончаров 1997: 300].

В словах дяди возникает образ волка на псарне из басни И.А. Крылова. К образам из произведений баснописца прибегает и Александр. По словам героя, один приятель дядюшки Лунин – «сам... точно тот осел, от которого соловей улетел за тридевять земель. А она такой доброй лисицей смотрит...» Другой – Сонин – «всегда даст хороший совет, когда пройдет беда, а попробуйте обратиться в нужде... так он и отпустит без ужина домой, как лисица волка». Третий – Волочков – «ничтожное и еще вдобавок злое животное...» [Гончаров 1997: 327]. В устах Александра

на протяжении всего романа анималистические сравнения не выходят за пределы литературной нормы.

Однако дядя и мать героя в своих характеристиках окружающих менее деликатны. Заезжалова и Суркова дядя назовет «ослами» [Гончаров 1997: 201, 346]. В устах Анны Павловны прежний «дородной братец» Петр Иванович приобретает комические характеристики: «...На кого нынче надеяться, коли и родные свои хуже дикого зверя? Собака и та бережет своих щенят, а тут дядя извел родного племянника! <...> Собака, право, собака, прости Господи!» [Гончаров 1997: 435–436]. Не вполне справедлива окажется Анна Павловна и в отношении к когда-то обожавшей ее сына Сонечке: «Туда же, за моего Сашеньку норовила, ворона этакая!» Улыбка читателя закономерна: прежде мать называла Сонечку «голубушкой» [Гончаров 1997: 177]. Сравнение это подкреплено комическим контрастом в словах угодливого Антона Ивановича: «Куда ей, матушка, за этакого сокола!» [Гончаров 1997: 429]. Если автор проявляет снисходительность в отношении к Анне Павловне, называя ее «раздраженной львицей» [Гончаров 1997: 172], то сама героиня в общении со слугами менее разборчива. Свою верную «первую ключницу» Аграфену она называет «коровой». И та готова ответить ей: «Поди-ка ты, не корова! – ворчала Аграфена, воротясь к себе. – Вишь, корову нашла! много ли у тебя этаких коров-то?» [Гончаров 1997: 176].

Подводя итог, скажем, что использование в романе «Обыкновенная история» комических сравнений и противопоставлений свидетельствует об интеллектуальной природе юмора Гончарова, определяется эпическим складом его художественного дарования. Названные приемы комической характеристики персонажей помогают писателю в эпическом романе высказать понимание движения исторического времени, социологические, культурологические, нравственные, философские убеждения.

Список литературы

Багаутдинова Г.Г. Комическое как средство выражения авторской позиции в «Слугах старого века» И.А. Гончарова // И.А. Гончаров: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 195-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск, 2008. С. 253–260.

Балакишина Ю.В. Комическое в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история»: (Юмор как эстетическая доминанта художественного целого): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 1999. 18 с.

Гончаров И.А. Обыкновенная история // Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Наука, 1997. С. 172–469.

Гончаров И.А. Письма к С.А. Никитенко // Литературный архив. Т. 4. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1953. С. 107–164.

Гончаров И.А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. Москва: Правда, 1952. (Библиотека «Огонёк»).

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. Москва: Русский язык, 1989–1991.

И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Москва: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. С. 538–539. (Лит. наследство. Т. 102).

Краснощечкова Е.А. Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 1997. 496 с.

Лоскутникова М.Б. Композиционно-стилистические особенности романов И.А. Гончарова // Материалы V Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию И.А. Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. С. 37–48.

Любимова Т.Б. Комическое, его виды и жанры. Москва: Знание, 1990. 62 с.

Полторацкий А.И. Судьба у Шекспира // Понятие судьбы в контексте разных культур. Москва: Наука, 1994. С. 260–267.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. Ленинград: Наука, 1977. С. 26–27.

Сомов В.П. О юморе Гончарова // Вопросы стиля художественной литературы. Москва: Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина, 1964. С. 156–170.

References

Bagautdinova G.G. *Komicheskoe kak sredstvo vyrazheniia avtorskoi pozitsii v "Slugakh starogo veka"* I.A. Goncharova [Comic as a Means of Expressing the Author's Position in the "Servants of the Old Century" by I.A. Goncharov]. I.A. Goncharov: *materialy Mezhdunar. nauch. konf., posviash. 195-letiiu so dnia rozhd. I.A. Goncharova* [Materials of the International Conference Devoted to the 195th Anniversary of I.A. Goncharov]. Ul'ianovsk, OOO "Nika-dizain" Publ., 2008, pp. 253–260. (In Russ.)

Balakshina Iu.V. *Komicheskoe v romane I.A. Goncharova "Obyknovennaiia istoriia": (Iumor kak estetiicheskaia dominanta khudozhestvennogo tselogo)* [Comic in the Novel "Common Story" by I.A. Goncharov (Humour as an Esthetic Dominant of the Artistic Whole): PhD Thesis, Summary]. St. Petersburg, 1999, 18 p. (In Russ.)

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Dictionary: in 4 vols.]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1989–1991, vol. 2. (In Russ.)

I.A. Goncharov. *Novye materialy i issledovaniia* [I.A. Goncharov. New Materials and Research]. Moscow, Institute of World Literature Publ., Nasledie Publ., 2000. (*Literaturnoe nasledstvo. T. 102*) [Literary Heritage. Vol. 102].

Goncharov I.A. *Obykvennaia istoriia* [Common Story]. *Goncharov I.A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [Complete Edition of Works and Letters by I.A. Goncharov: in 20 vols.]. St. Petersburg, Nauka Publ., vol. 1, 1997, pp. 172–469. (In Russ.)

Goncharov I.A. *Pis'ma k S.A. Nikitenko* [Letters to S.A. Nikitenko]. *Literaturnyi arkhiv* [Literary Archive], vol. 4. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Science Publ., 1953, pp. 107–164. (In Russ.)

Goncharov I.A. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected Works by Goncharov I.A.: in 8 vols.]. Moscow, Pravda (Biblioteka «Ogonek») Publ., 1952, vol. 8. (In Russ.)

Krasnoshchekova E.A. *Ivan Aleksandrovich Goncharov: Mir tvorchestva* [Ivan Aleksandrovich Goncharov: Creative World]. St. Petersburg, Pushkinskii fond Publ., 1997, 496 p. (In Russ.)

Liubimova T.B. *Komicheskoe, ego vidy i zhanry* [Comic, its Types and Genres]. Moscow, Znanie Publ., 1990, 62 p. (In Russ.)

Loskutnikova M.B. *Kompozitsionno-stilisticheskie osobennosti romanov I.A. Goncharova* [Composition and Stylistic Peculiarities of the Novels by I.A. Goncharov]: *materialy V Mezhdunar. nauch. konf., posv.*

200-let. I.A. Goncharova [Materials of the International Conference Devoted to the 200th Anniversary of I.A. Goncharov]. Ul'ianovsk, Korporatsiia tekhnologii prodvizheniia Publ., pp. 37–48. (In Russ.)

Poltoratskii A.I. *Sud'ba u Shekspira* [Destiny in the Works by Shakespeare]. *Poniatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur* [The Concept of Destiny in the Context of Different Cultures]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 260–267. (In Russ.)

Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t.* [Complete Collection of Works; in 10 Vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, vol. 4. (In Russ.)

Somov V.P. *O iumore Goncharova* [On the Humour of Goncharov]. *Voprosy stilia khudozhestvennoi literatury* [Issues of the Style of Fiction]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni V.I. Lenina Publ., 1964, pp. 156–170. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.06.2022; одобрена после рецензирования 09.07.2022; принята к публикации 10.08.2022.

The article was submitted 14.06.2022; approved after reviewing 09.07.2022; accepted for publication 10.08.2022.